

УДК 81'33

DOI 10.5281/zenodo.17257390

Чекмаева Н. А.

Чекмаева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, д. 4, корп. 1, 2-й Сельскохозяйственный проезд, Москва, Россия, 129226. E-mail: n.chekmaeva@ya.ru.

Метаграфический знак как маркер *другого* (на материале художественного дискурса)

Аннотация. В статье исследуется явление полифоничности в современном художественном дискурсе, обнаруживающееся присутствием в высказывании фигуры Другого, которое маркируется с помощью метаграфического знака. Проведен сопоставительный анализ использования курсива в тексте оригинала и перевода. Полученные результаты расширяют представления об особом статусе метаграфического знака в контексте его принципиальной функциональной нагруженности. Так, органичное сочетание вербального и невербального знака делает текст более прагматически выразительным и требует от читателя приложения дополнительного усилия в процессе интерпретации заложенного автором произведения смысла.

Ключевые слова: прагматика, диалог, эксплицитный, перевод, сопоставительный анализ.

Chekmaeva N. A.

Chekmaeva Natalia Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City University, 4, building 1, 2nd Agricultural Passage, Moscow, Russia, 129226. E-mail: n.chekmaeva@ya.ru.

A metagraphic sign as a marker of *another* (in fictional discourse)

Abstract. The paper investigates the polyphonic phenomenon in modern fiction discourse which is identified through the presence of Another in a sentence. We suggest that a metagraphic sign can reveal Another. There has been conducted a comparative analysis of the English and Russian version of the novel in focus. The results put forward an idea that a non-verbal sign has a unique status due to its functional potential. The ultimate usage of both verbal and non-verbal means in a text makes it more pragmatically expressive and encourages a reader to invest more effort when decoding an author's intentions.

Key words: pragmatics, dialogue, explicit, translation, a comparative analysis.

Невербальный графический знак характеризуется полисемантичностью и в ряде случаев отсутствием жесткой регламентации его использования, что и определяет актуальность проводимых лингвистических исследований.

Как отмечает В.Е. Чернявская: «Форма знака приобретает роль дополнительного средства его выделения в общем информационном пространстве, обеспечивает максимальную концентрацию внимания на своем объекте. Графический дизайн создает особый фрейм для интерпретации сообщения» [9, с. 59]. Так,

например, трафаретный шрифт, которым часто делались надписи на плакатах и транспарантах, можно считать узнаваемым маркером советской эпохи. Советская символика оказывается востребованной и в современном городском пространстве, так как позволяет актуализировать смыслы и связи с советским прошлым, следовательно, служит способом усиления рефлексивности и метапрагматической функции коммуникации [Там же].

Метаграфический знак оказывается мощным средством воздействия на адресата сообщения, причем в рамках конкретного текста наблюдается упорядоченность графических знаков, что делает текст семиотической системой с зависимыми друг от друга компонентами. Так, например, в результате исследования особенностей графического оформления книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», проведенного И.М. Борисовой и О.Н. Проваторовой, было выявлено, что в основном тексте книги курсивом маркируются географические реалии (названия поселений), реалии сахалинской жизни, способы обращения — в частности, курсивом выделено местоимение *ты*, причем анализ контекста, в котором акцентируется данная языковая единица, позволяет говорить о принципиально разной прагматической интерпретации высказывания: такой способ обращения к собеседнику сигнализирует о расположении к нему говорящего и, напротив, о неуважительном отношении друг к другу, ср.: «Величает вашим высокоблагородием, но говорит *ты*» и «Чиновники говорят надзирателю *ты* и бранят его как угодно». Помимо этого, курсив в книге выполняет функцию умолчания, когда повествователь по каким-либо причинам не считает нужным озвучить фамилию ссыльного священника: «Он назвал свою фамилию с окончанием на *кий*...» [1].

Не вызывает сомнений тот факт, что метаграфический знак является продуктивным средством кодирования инфор-

мации и требует специального лингвистического изучения.

В настоящей работе проведен анализ специфики диалогического потенциала метаграфического знака, курсива, с целью выявления в высказывании признаков речи *Другого*, так как данный аспект еще не получил исчерпывающего описания в лингвистике.

Объектом исследования послужил метаграфический знак, используемый в современном художественном дискурсе и маркирующий размежевание по линии авторства внутри одного высказывания, предмет исследования — прагматика метаграфического знака.

Материалом исследования послужил роман британского писателя Д. Митчелла «Black Swan Green» и его перевод на русский язык («Под знаком черного лебедя»), выполненный Т.П. Боровиковой. Эмпирическую базу составили высказывания, содержащие курсивные выделения, с помощью которых маркируется присутствие слов *Другого* в речевой цепочке говорящего.

В качестве методов исследования применяется дискурсивный анализ с целью конструирования образа *Другого* путем изучения прагматики метаграфического знака, интенций говорящего и заданного автором рассматриваемого произведения социально-исторического контекста. Помимо дискурсивного анализа в работе применяется метод контент-анализа, т. е. произведена количественная и качественная интерпретация полученных результатов, а также сопоставительный анализ отобранных англоязычных высказываний и их перевода на русский язык.

Методологически исследование опирается на положения, связанные с:

- изучением семиотики как науки о знаках и знаковых системах [2; 8];
- постулированием принципиальной диалогичности коммуникации [6; 7];
- рассмотрением метаграфического знака как продуктивного средства, участ-

вующего в создании диалогового режима коммуникации [5; 10];

– представлениями о несовпадении функционального статуса средств метаграфимики в различных языках, что влияет на принимаемые переводческие решения [3; 11].

Как отмечает Ж. Отье-Ревю: «В речевой цепочке, которую материально производит один говорящий, ряд языковых средств указывает (на уровне предложения или дискурса) на присутствие *другого*» [6, с. 54]. Причем это присутствие может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Второй тип безусловно представляет наибольшую трудность для лингвистического анализа, так как слова имплицитного *Другого* зачастую не маркируются говорящим, что, следовательно, требует приложения дополнительного усилия со стороны реципиента сообщения в процессе декодирования заложенного смысла. Поясним сказанное на двух примерах — эксплицитном и имплицитном проявлении *Другого* в высказывании. Эксплицитный *Другой* может быть реконструирован в случае наличия в высказывании цитат в виде прямой или косвенной речи; конструкции с сущ. / мест. / именной группой и глагола (*Х отмечает, что...*); метонимического переноса по типу «произведение — автор» (*В статье И.П. Петрова говорится о...*). Среди форм имплицитного присутствия *Другого* выделим неопределенно-личную (*как теперь говорят*) и безличную конструкции (*считалось, что*). Согласно исследованию О.А. Сулеймановой, неопределенно-личная конструкция имплицитно подразумевает тип множества участников некоего события, при этом включенность или невключенность говорящего в это множество может быть не маркирована. Безличная конструкция не сужает область референции до какого-либо множества, говорящий лишь констатирует общие истины и принадлежность субъекта к классу людей [7].

Графически говорящий может отделять слова *Другого* с помощью кавычек, причем кавычки могут указывать, во-

первых, на «отстранение от чужой речи <...>, чтобы читатель знал, что говорит не собственное «я» автора или повествователя, а как-то из персонажей или вообще некто безличный и посторонний повествованию»; во-вторых, на «отстранение» уже от своей собственной речи, «чтобы она, пусть будучи несколько «странный», отличалась от общепринятого способа выражаться» [5, с. 278].

Метаграфический знак может быть отнесен к эксплицитной форме *Другого*, так как присутствие подобного знака делает текст неоднородным уже на визуальном уровне, что заставляет читателя обратить особое внимание на причину выделенности того или иного слова, или фрагмента, в составе высказывания, причем, как отмечает Н.Л. Шубина: «Реципиент вправе «навязать» свое истолкование любой метаграмме, опираясь на известную ему семиотическую систему» [10, с. 187]. Как далее замечает автор цитируемой работы: «Метаграфические знаки могут служить сигналами свертывания и развертывания текста на информационном уровне. Этим обусловлено употребление метаграфических средств для репрезентации внутренней речи» [Там же, с. 190]. Рассмотрим данный аспект подробнее на материале настоящего исследования.

Роман «Под знаком черного лебедя» рассказывает о годе из жизни тринадцатилетнего подростка, Джейсона Тейлора, живущего в английской глубинке. Подросток переживает характерный его возрасту кризис, который во многом усугубляется положением дел в семье — его родители находятся на грани развода. Сложное психоэмоциональное состояние подростка передается автором романа не только посредством специально отобранных языковых средств, но и невербальных знаков (следует отметить, что «графически» роман очень насыщен — насчитывается 2770 курсивных выделений). Случаи применения курсива в романе различны: курсивом могут быть выделены слова в моменты психофизического напряжения героя: “For a bit, all I

could do was lie there, basking in that *supernatural pain*". — «Несколько секунд я только и мог, что лежать, купаясь в сверхъестественной боли»; курсивом оформляются дневниковые записи Джейсона, фрагменты газеты и проч. Наибольший интерес для данного исследования представляет курсив как маркер слов *Другого* — далее мы рассмотрим на примере внутренней речи героя при его взаимодействии с вымышленными им персонажами — Вешателем (Hangman) и Нерожденным Близнецом (Unborn Twin).

Вешатель — образ, придуманный Джейсоном и олицетворяющий его недуг. Мальчик страдает от запинания, и когда он не может произнести то или иное слово, в его мыслях появляется Вешатель: "Do you get" — Hangman loves giving me grief over this word — "nightingales in January, Dad? I might've heard one this morning. In the woods." — А соловьи, — Вешатель просто обожает ставить мне подножки на этом слове, — бывают в январе? А, папа? Мне сегодня утром показалось, что я слышал одного. В лесу». Следует отметить, что Вешатель не имеет собственного голоса, читатель конструирует его образ, исходя из реплик, появляющихся во внутренней речи Джейсона. Мальчик наделяет персонажа жестоким характером и видит в нем угрозу: "Hangman'll crush my throat and mangle my tongue and scrunch my face up". — «Вешатель просто раздавит мне горло в кашу, изувечит язык, скомкает лицо». В переводе мы видим отказ от данного графического способа акцентуации. Анализ эмпирической базы показал, что все курсивные выделения в подобных высказываниях не передаются графически в русскоязычной версии романа — отдается предпочтение лексическим добавлениям, например, наречию *просто*, как в приведенных примерах, что позволяет сохранить прагматику высказывания.

Нерожденный Близнец является альтер эго Джейсона, более дерзкий и смелый, он часто высмеивает слабости Джейсона, подталкивает его на различ-

ные поступки: "Stick your darts, urged Unborn Twin, into their eyeballs". — «Вгони дротики им в глазницы», — подначивал меня Нерожденный Близнец. Реплики Нерожденного Близнеца в большинстве отобранных высказываний не превышают десяти слов и являются императивными конструкциями (в 60 % случаев из отобранной выборки): "Say it, nudged Unborn Twin, I dare you to". — «Ну скажи! Слабо тебе!» — подначивал Нерожденный Близнец». В переводе все реплики данного персонажа заключаются в кавычки, что соответствует нормам русского языка при передаче косвенной речи. Примечательно, что Нерожденный Близнец не страдает запинанием: на момент описываемых событий в книге Джейсон испытывает трудности при произнесении букв S и N (в переводной версии — C и П), и если самому мальчику приходится подбирать синонимы слов, начинающихся с этих букв, то Нерожденный Близнец не испытывает подобных трудностей (по понятным причинам): "Why d'you" — Hangman blocked "nick," then "steal," so I had to use the naff "pinch" — "pinch the fags?" — Почему ты... — «Вешатель перехватил «спер», потом «свистнул», — украл курицу?».

Как известно, в художественном произведении внутренняя речь позволяет читателю глубже проанализировать внутренний мир героя. Способы ее передачи могут быть разными и в целом зависят от типа повествования. В рассматриваемом романе повествование ведется от первого лица, характеризуется принципиальной диалогичностью, которая проявляется как в форме ведения диалога Джейсона с другими персонажами романа, так и в его внутренней речи. Реплики Нерожденного Близнеца оформлены в виде прямой речи, которая встраивается в размышления главного героя, что создает эффект полифоничности. Анализ таких реплик в совокупности позволяет сделать вывод о том, что когда мальчику не хватает решимости, он ищет поддержки у себя-Другого, как бы наблюдающего за

происходящим со стороны. Если в случае с Вешателем курсив используется для усиления испытываемых Джейсоном эмоций, то выделение курсивом реплик Нерожденного Близнеца являет собой пример квази-размежевания по линии авторства, иными словами, создается иллюзия присутствия в высказывании *Другого* лица.

В целом взаимодействие с *Другим* может быть представлено в виде двух моделей (см. [4]):

1) *я* — *он*, где говорящий вводит в повествование слова другого лица, например: “*Do not set foot in my office. That’s Dad’s rule*”. — «Ко мне в кабинет — ни ногой». Такое правило установил папа»;

2) *я*¹ — *я*². Данная модель свойственна рассуждению и представляет квазидialog говорящего с самим собой-настоящим или прежним, например: “Normal people give up after ten or eleven, unless it’s a matter of life or death. Don’t they?” — «Нормальные люди обычно сдаются после десяти-одиннадцати звонков, если только речь не идет о жизни и смерти. Правда же?».

Как отмечает М.Ю. Лотман, если первая модель «обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации», то вторая предполагает качественную трансформацию, которая «приводит к перестройке самого этого «Я». Иными словами, передача информации по второй модели «не имеет имманентного характера, поскольку обусловлена вторжением извне некоторых добавочных кодов и наличием внешним толчков, сдвигающих контекстную ситуацию» [Там же, с. 26]. Вопросительная конструкция в приводимом примере выражает беспокойство героя, он помнит запрет отца, но понимает, что его можно нарушить под влиянием внешних обстоятельств, при этом подобная форма автокоммуникации является продуктивным средством вовлечения читателя в повествование и в некоторой степени способствует установлению более близких отношений с героем.

Таким образом, курсивные выделения в художественном произведении могут служить маркером *Другого*, т. е. персонажа за кадром, в роли которого может выступать и сам герой. Помимо этого, метаграфический знак можно рассматривать в качестве способа компрессии текста, при этом читателю необходимо произвести операцию «декомпрессии», то есть расшифровать дополнительные смыслы, заложенные автором текста. Так, в следующем примере с помощью курсива сделан акцент на эмоциональном состоянии Джейсона, которого родители везут на прием к логопеду: “*Dark, Light, Dark, Light, Dark, Light. The Datsun’s wipers couldn’t keep up with the rain, not even at the fastest setting*”. — «Тьма, свет, тьма, свет, тьма, свет. Дворники «датсуна» даже на максимальной отметке не справляются с дождем». В оригинале курсивное выделение прилагательного *dark* акцентирует внимание читателя на внутренних переживаниях героя, в переводе данное слово не маркировано графически. Следует отметить, что в русскоязычной версии романа количество курсивных выделений составляет 477, что в пять раз меньше оригинала. Как представляется, отказ от передачи графических средств может повлиять на восприятие описываемых событий, так как графически маркированное слово передает дополнительный смысл, более того, выделение таким образом ряда слов или высказываний в романе образуют некую упорядоченную систему. Так, например, в романе «Преступление и наказание» курсивом маркируется переключки между героями — в репликах разных героев курсивом выделяется одно и то же слово [5]. Рассмотрение подобного явления на материале романа «Под знаком черного лебедя» может составить перспективу дальнейшего исследования.

Таким образом, метаграфема является прагматически нагруженным средством, однако заметим, что в переводческой практике нередко наблюдается отказ от графического выделения слова или его замена на другое графическое или языко-

вое средство, что обусловлено различиями в сфере применения метаграфемы в языках разного типа [11]. Кроме того, метаграфический знак служит маркером полифоничности, так как репрезентирует слово *Другого*. Высказывание, содержа-

щее курсивное выделение, служит сигналом о необходимости приложения дополнительного усилия со стороны читателя для интерпретации заложенной его автором интенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова И.М., Проваторова О.Н. Особенности графического оформления книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Вып. 5. С. 16–20.
2. Фомин А. Г., Абдуллаева Ф. Э., Байкова О. В. Знак, язык и дискурс в динамике и статике / Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. 238 с.
3. История, теория и дидактика переводческой деятельности. М.: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2023. 208 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
5. Михеев М. Ю. Средства выделения слова: повтор, кавычки, курсив // Моно, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2010. С. 278–295.
6. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: сб. ст. / общ. ред. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. С. 54–95.
7. Сулейманова О. А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим: монография. М.: Ленанд, 2018. С. 180–199.
8. Тивьяева И. В. Современная лингвосемиотика: проблемы и тренды // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 3. С. 74–83.
9. Чернявская В. Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 2 (36). С. 50–73. DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73.
10. Шубина Н. Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 184–192.
11. Saldanha G. Emphatic Italics in English Translations: Stylistic Failure or Motivated Stylistic Resources? // Meta. 2011. № 56 (2). P. 424–442. DOI 10.7202/1006185ar.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Borisova I.M., Provatorova O.N. Osobennosti graficheskogo oformlenija knigi A.P. Chehova «Ostrov Sahalin» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2020. Tom 13. Vyp. 5. S. 16–20.
2. Fomin A. G., Abdullaeva F. Je., Bajkova O. V. Znak, jazyk i diskurs v dinamike i statike / Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 2023. 238 s.
3. Istorija, teorija i didaktika perevodcheskoj dejatel'nosti. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "FLINTA", 2023. 208 s.
4. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
5. Miheev M. Ju. Sredstva vydelenija slova: povtor, kavychki, kursiv // Mono, dia-, polilog v raznyh jazykah i kul'turah / Otv. Red. N. D. Arutjunova. M.: Izdatel'stvo «Indrik», 2010. S. 278–295.
6. Ot'e-Revju Zh. Javnaja i konstitutivnaja neodnorodnost': k probleme drugogo v diskurse // Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa: sb. st. / obshh. red. P. Serio; predisl. Ju.S. Stepanova. M.: Progress, 1999. S. 54–95.

-
7. Sulejmanova O. A. Akademicheskij diskurs kak nepreryvnyj dialog s Drugim: mono-grafija. M.: Lenand, 2018. S. 180–199.
 8. Tiv'jaeva I. V. Sovremennaja lingvosemiotika: problemy i trendy // Russkij jazyk v shkole. 2024. T. 85, № 3. S. 74–83.
 9. Chernjavskaja V. E. Tipografika kak social'nyj indeks: sovetskij landschaft v sovremennom rossijskom diskurse // Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki. 2023. № 2 (36). S. 50–73. DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73.
 10. Shubina N. L. Neverbal'naja semiotika pechatnogo teksta kak oblast' lingvisticheskogo znanija // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 97. S. 184–192.
 11. Saldanha G. Emphatic Italics in English Translations: Stylistic Failure or Motivated Stylistic Resources? // Meta. 2011. № 56 (2). P. 424–442. DOI 10.7202/1006185ar.

Поступила в редакцию: 16.09.2025.

Принята в печать: 30.10.2025.
